

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
А.Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ
Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ
К.А. АҚЫШЕВ АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ҒЗИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМЕНИ А.Х. МАРГУЛАНА
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Л.Н. ГУМИЛЕВА
НИИ АРХЕОЛОГИИ ИМЕНИ К.А. АКИШЕВА

МАРҒҰЛАН ОҚУЛАРЫ – 2019

*Көрнекті қазақстандық археолог К.А. Ақышевтың
95 жылдығына арналған Халықаралық археологиялық
ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары
Нұр-Сұлтан, 19-20 сәуір 2019 ж.*

МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2019

*Материалы Международной археологической научно-практической
конференции, посвященной 95-летию со дня рождения выдающегося
казахстанского археолога К.А. Акишева
Нур-Султан, 19-20 апреля 2019 г.*

Нұр-Сұлтан
2019

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ.....	7
---------------------	---

«РОЛЬ ЛИЧНОСТИ» В АРХЕОЛОГИИ

Бейсенов А.З. К.А. АКИШЕВ И ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КАЗАХСКОГО ВРЕМЕНИ.....	10
Мурзин В.Ю. АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ТЕРЕНОЖКИН – ОСНОВАТЕЛЬ КИЕВСКОЙ ШКОЛЫ СКИФОВЕДЕНИЯ	39
Талеев Д.А. К.А. АҚЫШЕВТЫҢ ҚАЗАҚСТАННЫҢ ОРТАҒАСЫР АРХЕОЛОГИЯСЫН ЗЕРТТЕУГЕ ҚОСҚАН ҮЛЕСІ.....	47

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ КАМНЯ И ПАЛЕОМЕТАЛЛА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ

Артюхова О.А., Мамиров Т.Б. РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ КАМЕННОГО ВЕКА В МАНГЫСТАУ В 2018 г.....	55
Артюхова О.А., Мамиров Т.Б. ИССЛЕДОВАНИЕ СТОЯНОК УЛКЕН ЖЕЗДЫ И ТОКТАУЛ В УЛЫТАУ В 2018 г.	61
Варфоломеев В.В. ПОСЕЛЕНИЯ ТАЛДИНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ	74
Горячев А.А. РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВЕРХОВЬЕВ УЩЕЛЬЯ ТУРГЕНЬ В 2017-2018 гг.....	88
Горячев А.А., Егорова Т.А. АНДРОНОВСКИЙ МОГИЛЬНИК КОЖАБАЛА-І В ГОРАХ ХАНТАУ	99
Зайберт В.Ф. БОТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА – МАТРИЦА СТЕПНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.....	108
Мамиров Т.Б., Байров Н.М., Мамиров К.Б., Куандык С.Р., Клышев Е.Е. ИССЛЕДОВАНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ В 2018 г.	112
Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Макен А.Б. ЭЛИТНЫЕ КУРГАНЫ МОГИЛЬНИКА ТАБЫЛДЫ (ЭПОХА БРОНЗЫ)	120
Лазаретов И.П. ОКУНЕВСКО-ЧЕМУРЧЕКСКАЯ ОБЩНОСТЬ: ФЕНОМЕН ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ И ПРОБЛЕМА СИНХРОНИЗАЦИИ КУЛЬТУР	132
Лачкова М.К., Усманова Э.Р., Воловинский А.В., Овсянников А.А. КРЕМАЦИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КУЛЬТА ОГНЯ: СВИДЕТЕЛЬСТВО И ЭКСПЕРИМЕНТ (НА МАТЕРИАЛАХ АНДРОНОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЛИСАКОВСКОЙ ОКРУГИ)	145
Лошакова Т.Н. ОБ ОДНОЙ СЛУЧАЙНОЙ НАХОДКЕ С ПОСЕЛЕНИЯ ТОКСАНБАЙ.....	150
Подушкин А.Н. НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ МОГИЛЬНИКОВ КЫЛЫШЖАР И МЫНТОБЕ	153
Смаилов Ж.Е., Сакенов С.К. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ БЕГАЗЫ-ДАНДЫБАЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРЕДГОРЬЯХ КУЛЖАБАСЫ.....	170
Хаванский А.И. К ВОПРОСУ О ВНУТРЕННИХ КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТАХ СИНТАШТИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЬНИКОВ СИНТАШТИНСКИЙ ГРУНТОВЫЙ И ТАНАБЕРГЕН ІІ).....	181
Таймагамбетов Ж.К. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СОВМЕСТНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РК ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ПАЛЕОЛИТА КАЗАХСТАНА В ПОЛЕВОМ СЕЗОНЕ 2018 г... 192	

**Яковлева Е.С. МАХАНДЖАРСКИЕ ДРЕВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ ... 201**

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ

Айткали А.К., Жунисланов А.С., Доумани Дупью П., Исин А.И., Рахманкулов Е., Курмангалиев А.К. НОВЫЕ ДАННЫЕ О КУРГАНАХ С «УСАМИ» ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ	208
Аникеева О.В. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ВРЕМЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ АЛАБАСТРОВ ИЗ ФИЛИППОВСКИХ КУРГАНОВ	223
Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Уразова А.Б. ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ СРЕДНЕГО ИЛЕКА (НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ)	234
Далалаян Т.С. К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ МАССАГЕТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ	243
Дашковский П.К. ИЗУЧЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ САКОВ КАЗАХСТАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ В СОВЕТСКОЙ НОМАДОЛОГИИ В 1960-1980-е гг.	248
Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. НАРУШЕННЫЕ ЖЕНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ САКСКОГО ВРЕМЕНИ В ЖЕТЫСУ: ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА КАСПАН-6.....	260
Жунисланов А.С., Доумани Дупью П., Исин А.И., Гумирова О., Айткали А.К., Рахимжанова А. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРНЫХ МАССИВОВ КОКЕНТАУ И СЕМЕЙТАУ	271
Зайнов А.М. СОЛТУСТІК-ШЫҒЫС КАСПИЙ МАҢЫНДАҒЫ САРМАТ ЕСКЕРТКІШТЕРІНІҢ ЗЕРТТЕЛУ ТАРИХЫ.....	280
Ермоленко Л.Н. ИНВАРИАНТНЫЕ ЖЕСТЫ В ИКОНОГРАФИИ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ КОЧЕВНИКОВ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ.....	285
Касенов М.С., Зайнов А.М., Айткали А.К. ҚАРАБАУ ОБАЛАРЫНДАҒЫ ЗЕРТТЕУЛЕР...296	296
Курманкулов Ж., Болелов С.Б., Утубаев Ж. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ БАБИШ-МУЛЛА 1 В 2018 г.....	301
Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М. РАННЕСАРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ КУРГАНА 1 МОГИЛЬНИКА КАРАТОМАР.....	316
Лукпанова Я.А. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА КУРГАННОМ КОМПЛЕКСЕ ТАСКАЛА	328
Лулева В.В. ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РЕМЕСЛА АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ УЗБЕКИСТАНА.....	340
Махортых С.В. КАМЕННЫЕ БЛЮДА VII-VI ВВ. ДО Н.Э. ИЗ СКИФСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДНЕПРОВЬЯ.....	346
Могиллов А.Д. ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ РЯДОВОГО НАСЕЛЕНИЯ СКИФИИ	360
Мышкин В.Н. ПОДПРУЖНЫЕ ЗАСТЕЖКИ С ЗООМОРФНЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ У КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ: ХРОНОЛОГИЯ И ТЕРРИТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ	369
Сакенов С.К., Свиридов А.Н., Ярыгин С.А. ПОГРЕБЕНИЕ РУБЕЖА ЭР НА МОГИЛЬНИКЕ АЙДАРЛЫ.....	378
Самашев З., Кариев Е.М., Ерболатов С.Е. ХУННУ-СЯНЬБЭЙСКИЙ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ГОРИЗОНТ БЕРЕЛЯ.....	385
Свиридов А.Н., Языкков С.В. САРМАТСКИЕ ТРАДИЦИИ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ МОГИЛЬНИКА ФРОНТОВОЕ 3 (ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ)	394

Сейткалиев М.К., Амиров Е.Ш., Умиткалиев Д.Б. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА МОГИЛЬНИКЕ БОРАНДАСУ В 2018 г. (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ)	404
Чекин А.Г., Тулегенов Т.Ж., Бесетаев Б.Б. К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РАΝНЕСАКСКОГО ВРЕМЕНИ ЖЕТЫСУ	409

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ

Амиргалина Г.Т. КЕРАМИКА СО ЗНАКАМИ С ГОРОДИЩ СОРТОБЕ И ДЖАНКЕНТ	418
Байтанаев Б.А., Ергешбаев А.А., Шаяхметов А.Х. «СТОРОЖЕВЫЕ БАШНИ» ИСПИДЖАБА	429
Билалов С.У. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЯХ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА ДЖАНКЕНТ В ПОЛЕВОМ СЕЗОНЕ 2018 г.	439
Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г. НАУЧНАЯ ПРОГРАММА ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. ХАЛИКОВА АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН ИССЛЕДОВАНИЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ	451
Джумабеков Д.А., Усманова Э.Р., Антонов М.А. АЛТЫНШОҚЫ ТАРИХИ-МӘДЕНИ КЕШЕНІН ЗЕРТТЕУДЕГІ ЖАҢА МӘЛІМЕТТЕР	457
Елеуов М., Талеев Д., Есенов С., Молдахмет А. ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ҚЫШҚАЛАДА 2018 ЖЫЛЫ ЖҮРГІЗІЛГЕН ЗЕРТТЕУЛЕР	460
Калменов М.Д. НЕКРОПОЛЬ ГОРОДИЩА ЖАЙЫК (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В 2015 г.)	468
Кожа М.Б., Гурсой М., Сиздииков Б. НОВЫЕ ДАННЫЕ О ГОРОДИЩЕ ШАНШАР-АСАРЧИК	477
Котеньков С.А. БЭРОВСКИЕ БУТРЫ – ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ	483
Кызласов И.Л. ДВЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ НА АЛТАЙСКОМ РУЧЬЕ КАРБАН. К ПОЗНАНИЮ НЕРАСШИФРОВАННОГО ПИСЬМА (ИЗ РАБОТ КАЗАХСТАНСКО-РОССИЙСКОЙ ЭПИГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ).....	496
Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ XIII-XIV ВВ. НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ: ВОПРОСЫ ВЫЯВЛЕНИЯ.....	516
Махамбетова Л.Ә. СЫР ӨҢІРІНДЕГІ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ҚАЛАШЫҚТАРДАН ТАБЫЛҒАН СҮЙЕКТЕН ЖАСАЛҒАН БҮЙЫМДАР (ЖАҢА МАТЕРИАЛДАР НЕГІЗІНДЕ).....	523
Нуржанов А.А., Гимранов Д.О. ИССЛЕДОВАНИЯ КОСТНЫХ ОСТАТКОВ ЖИВОТНЫХ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ГОРОДИЩА КАСТЕК	529
Пилипчук Я.В. КЕМ БЫЛИ БУРТАСЫ?	538
Руденко К.А. О СВЯЗЯХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ С ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИЕЙ В XI-XIV ВВ. (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)	548
Самашев С.К. ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ТАҢБАЛАРДЫҢ ЭТНОӘЛЕУМЕТТІК-МӘДЕНИ МАҢЫЗЫ	561
Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. НОВЫЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ШАВГАРА (ТУРКЕСТАНСКИЙ ОАЗИС).....	567
Хабдулина М.К., Тлеугабулов Д.Т. К ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ЖИЛОЙ АРХИТЕКТУРЕ СТЕПИ	584
Тажекеев А.А., Болелов С.Б., Дарменов Р.Т., Билалов С.У. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ГОРОДИЩЕ СОРТОБЕ	592

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ананьевская Э. ИЗМЕНЕНИЯ В ПИТАНИИ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА С БРОНЗОВОГО ПО СРЕДНИЕ ВЕКА (С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АНАЛИЗА СТАБИЛЬНЫХ ИЗОТОПОВ).....	604
Асылбеков Қ.М. АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ НЫСАНДАРДЫ ЗЕРТТЕУ, ҚОРҒАУ МЕН МОНИТОРИНГ ЖҮРГІЗУДЕ ГЕОАҚПАРАТТЫҚ ЖҮЙЕЛЕРДІ ЖӘНЕ ЖЕРДІ ҚАШЫҚТАН ЗОНДТАУ МӘЛІМЕТТЕРІН ҚОЛДАНУ	612
Асылбеков Қ.М. ЦИФРОВАЯ 3D-ФИКСАЦИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ САРЫАРКИ	617
Бедельбаева М.В. ОБРАЗЫ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: ИЗУЧЕНИЕ, ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, СОВРЕМЕННАЯ МИФОЛОГИЗАЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ МЕСТНОСТИ ТАЙАТКАН-ШУНАК)	624
Гаврилов Д.А. ДРЕВНЕОРОШАЕМЫЕ ПОЧВЫ КАК ОБЪЕКТ СОВМЕСТНОГО ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИИ И ПОЧВОВЕДЕНИЯ	636
Хохлов А.А., Китов Е.П. ДРЕВНЕЙШИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ СТЕПЕЙ КАЗАХСТАНА: К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ С НАСЕЛЕНИЕМ НАЧАЛА ПОЗДНЕБРОНЗОВОГО ВЕКА РЕГИОНА.....	644
Мұстапаева Д.Ө. АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРДЕ ЗЕРДЕЛЕНГЕН ҚАСИЕТТІ ОРЫНДАР ТУРАЛЫ.....	650
Примкулова Г.Ж. ҚАЗАҚ ХАЛҚЫНЫҢ ЭТНИКАЛЫҚ МӘДЕНИЕТІНДЕГІ АЙМАҚТЫҚ-ҰЛТТЫҚ ДӘСТҮРЛЕРДІ ЗЕРТТЕУ ЖӘНЕ САҚТАУ МӘСЕЛЕЛЕРІ.....	657
Сиражева Б.А. ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ИНСТРУМЕНТАРИИ ОБРАБОТКИ КОСТИ КАЗАХСКИХ МАСТЕРОВ	664
Усманова Э.Р., Семьян И.А., Лукашов В.Н., Лукашова Е.С., Лукашов Е.Н. ФЕСТИВАЛЬ «ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ И КУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ» КАК СПОСОБ РЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ.....	671
Шарапов Д.В. РЕГИОНАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ В ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЯХ: ОБЗОР МЕТОДИК.....	682
Шілдебаева Ж.М. ЖАМБЫЛ ОБЛЫСЫНЫҢ САКРАЛДЫ НЫСАНДАРЫ.....	693

ДВЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ НА АЛТАЙСКОМ РУЧЬЕ КАРБАН. К ПОЗНАНИЮ НЕРАСШИФРОВАННОГО ПИСЬМА (ИЗ РАБОТ КАЗАХСТАНСКО-РОССИЙСКОЙ ЭПИГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ)

Аннотация. Среди руноподобных надписей Казахстана есть две до сих пор не расшифрованные письменные системы: одна представлена древними письменами на чаше из кургана Иссык, другая – шестью средневековыми надписями ачикташского алфавита, встреченных в городах Средней Сырдарьи и на близлежащих землях Узбекистана и Кыргызстана. В нескольких случаях родственное им по облику рунических знаков нерасшифрованное южноенисейское письмо Южной Сибири и Монголии оказалось применено среди молитвенных наскальных надписей, начертанных классическим енисейским алфавитом. Благодаря этому установлена ее религиозная принадлежность. Она оказалась одной из письменностей сибирско-тюркского манихейства. Южноенисейское руническое письмо имеет западное для Сибири происхождение и пришло на Саяно-Алтайское нагорье, скорее всего, в IX, а, может быть, и в X в.

Ключевые слова: нерасшифрованные письменности, курган Иссык, ачикташский и южноенисейский алфавиты, сибирско-тюркское манихейство.

Карбан Алтай өзеніндегі екі руна жазуы. Сыры ашылмаған жазбаны тану (Қазақстандық-Ресейлік эпиграфиялық экспедиция жұмыстарынан)

Түйін. Қазақстанның рунатәріздес жазуларының арасында әлі күнге сыры ашылмаған екі жазу жүйесі бар: бірі Есік қорғанынан табылған тостағандағы көне жазу, екіншісі – Өзбекстан мен Қырғызстанға жақын орналасқан Орта Сырдария қалаларында кездесетін ашықтас әліппесінің алты ортағасырлық жазбалары. Бірнеше жағдайларда бұларға руникалық белгілерінің түрі жағынан ұқсас түсініктемесі берілмеген Оңтүстік Сібір мен Моңғолияның оңтүстікенисейлік жазбасы классикалық енисейлік әліппемен сызылған гибадаттық жартас жазбаларының ішінде қолданылған болды. Осыған орай оның дінге қатысы анықталды. Ол сібір-түрік манихейлік жазбаларының бірі болып шықты. Оңтүстікенисейлік руникалық жазу Сібір үшін шығу тегі батыстық болып табылады және Саян-Алтай таулы өлкесіне шамамен IX ғ., не X ғ. келуі мүмкін.

Түйін сөздер: сыры ашылмаған жазбалар, Есік қорғаны, ашықтас және оңтүстік Енисей әліппесі, сібір-түркілік манихейлік.

Two runic inscriptions on the Carban stream (Altai). To knowledge of not deciphered writings (from works of Kazakhstan-Russia epigraphic expedition)

Annotation. Among the runiform inscriptions of Kazakhstan there are two still not deciphered written systems: one is presented by ancient letters on a bowl from the barrow Issyk, another – six medieval inscriptions of the Achiktash alphabet, met in the cities of the Central Syr-Darya and on the nearby lands of Uzbekistan and Kyrgyzstan. In several cases related on shape of runic signs not deciphered South Yenisei letter of Southern Siberia and Mongolia was applied by it among the prayful rock inscription traced by the classical Yenisei alphabet. Thanks to it circumstance the South Yenisei writings's religious accessory is established. It appeared one of writings of Siberian-Turkic Manichaeism. The South Yenisei runic letter has the origin, western for Siberia, and came to Sayan-Altai uplands most likely in the IXth, and, maybe, in the Xth century.

Keywords: not deciphered writings, a barrow Issyk, achiktashsky and South Yenisei alphabets, Siberian-Turkic Manichaeism.

Пятьдесят лет назад, в 1969 г., Кемаль Акишевич Акишев начал и через год закончил раскопки кургана Иссык. Они привели, как хорошо известно, не только к знаменитым находкам редкостного по художественному совершенству обрядового убранства Золотого человека, но и, к обнаружению таинственного письменного памятника – граффити на серебряной чаше (Акишев, 1971).

Недешифрованные надписи Казахстана

Прочтение двух свободно размещенных на фиале резных строк поныне загадочно. Лучшая публикация надписи (Акишев, 1978, с. 54, 55, фото 70) показывает, что в прорисовку исследователями нередко включаются царапины, не относящиеся к письменным знакам. Помимо того сравнительное палеографическое изучение показывает, что иссыкские знаки не имеют системного сходства с письменами, известными как тюркские руноподобные алфавиты. Ошибочно основывать прочтение любой надписи на поверхностном сходстве отдельных элементов ее букв с орхонскими или енисейскими рунами. Безднажность подбора внешних аналогий для прочтения неизвестных письменных знаков доказана долгим и бесплодным периодом дешифровки самих енисейских рунических надписей, длившимся более 170 лет, – с 1721 по 1893 г. Лишь когда В. Томсен и В.В. Радлов занялись постижением внутренних особенностей азиатских рунических текстов, было понято звуковое назначение их знаков.

Согласно приведенному Кималем Акишевичем коллективному мнению ленинградских востоковедов И.М. Дьяконова, В.А. Лившица и С.Г. Кляшторного (Акишев, 1978, с. 59, 60) в конце 1970-х гг. было ясно, что надпись иссыкской чаши принадлежит к архаичной форме неизвестного письма. К тому времени было известно не менее шести выполненных этим алфавитом надписей. По данным В.А. Лившица, оно было распространено на территории современных Северного Афганистана, Южного Узбекистана и Южного Таджикистана вплоть до VI-VII вв.н.э. и некогда служило одной из трех официальных письменностей Кушанского царства (Лившиц, 1976, с. 165, 166, прим. 14; 1978, с. 84-87; ср.: Дьяконов, 1979, с. 224, прим. 73а). Мне уже приходилось обращать внимание исследователей на эти данные, предоставляя древнейшие свидетельства применения тюркскими народами рунической письменности (Кызласов, 1998, с. 71, 72).

К началу нового века наука знала уже около 30 образцов неизвестной письменности, некогда входившей «в многоалфавитное пространство древней Бактрии». Изучение явления привело В.В. Вертоградову к выдвиганию новой дисциплины, изучающей роль разных письменных систем в жизни одного общества, и тем выявляющей историко-культурную информативность конкретного, пусть и недешифрованного письма. Эта научная область получила весьма удачное наименование социоскрипторики. Не имея намерения останавливаться здесь на всех проблемах, связанных с иссыкской надписью, отсылаю читателей к основным трудам Виктории Викторовны и приводимой ею библиографии (Вертоградова, 1995; 2002; 2018).

Захватывая 8-10 вв. непрерывного развития (общая ныне принятая дата: IV-III в. до н.э. – V-VI в. н.э.), приведшего к поэтапному бытованию трех ее алфавитных разновидностей, эта загадочная письменность в Кушанской империи занимала место и во внутренней сакральной практике буддийских монастырей, и в государственной сфере, одно время выступая на равных с двумя иными алфавитными системами – бактрийской и кхароштии. Сам факт использования в обеих указанных областях («скрипторожающих центрах») первично чуждого для древней Бактрии письма указывает на его высокий социальный и религиозный авторитет в обществе изначального применения. Таковые конкретные культурные обстоятельства, выраженные в сосуществовании и социальном соподчинении применявшихся алфавитов, ныне склонили исследовательницу к мнению о кочевнической, юэчжийской сословной принадлежности неизвестного письма, – мысли, высказанной Э.В. Ртвеладзе в 1998 г. и соотносимой с историческими и лингвистическими аргументами Ю.Н. Рериха (1963 г.) и Вяч. Вс. Иванова (1967 г.) в пользу вхождения в юэчжийскую общность и в верхи кушанского общества тохарского компонента (Вертоградова, 2002). Полагают, что графические истоки неизвестного письма могут быть арамейскими.

Для методики работы с любыми недешифрованными письменностями исключительно важно установление социальной позиции и культурного контекста окружающих их читаемых письменных памятников, как это было сделано В.В. Вертоградской для поздних образцов «иссыкского алфавита». Его применение встречено как на дву- и трехязыких (двух- и трехалфавитных) государственных памятниках, так и тех, что были найдены вместе и, следовательно, в идеологическом единстве с индийскими надписями в буддийских монастырях Термеза. Среди последних, в частности, встречена двухалфавитная (неизвестное письмо и кхароштии) надпись votивного содержания.

Этот опыт, полученный при изучении надписи на иссыкской чаше, весьма полезен при изучении ряда недешифрованных писем, немногочисленные памятники которых ныне известны науке лишь в пределах средневекового тюркоязычного мира. Они относятся к западному евроазиатскому классу руноподобных писем и в ряде случаев соседствуют с читаемыми надписями, одновременно составленными на других, в том числе классических азиатских рунических алфавитах. В Южном Казахстане и на соседних землях Узбекистана, Кыргызстана и таковыми являются поныне загадочные строки, нанесенные так называемым ачикташским письмом на специальную письменную палочку, трижды на глиняные сосуды и дважды на скалы. Археологические даты всех шести памятников, во многом предположительно укладываются в конец VII – VIII и IX-X вв. Особо показательно, что наиболее поздняя часть из них,

начертанная на керамике, несомненно, принадлежит к развитой городской культуре (Кызласов, 2013а).

Вместе с тем эпиграфистам Казахстана с некоторых пор стали доступны и оставленные в условиях открытого ландшафта Южной Сибири и Монголии лаконичные камнеписные начертания, выполненные палеографически родственным ачикташкому и также нерасшифрованным южноенисейским руническим письмом.

Надписи на ручье Карбан

В полевой сезон 2006 г. на Саяно-Алтайском нагорье работала совместная Казахстано-Российская эпиграфическая экспедиция, которая была организована и финансировалась казахскими коллегами. Полевые работы проходили в течение двух месяцев, с 17 июня по 6 августа, и проводились под совместным руководством заведующего Лабораторией эпиграфики Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева Каржаубая Сарткожаулы и автора этих строк (Кызласов, Сарткожаулы, 2009, с. 602-603). Экспедиционная группа состояла из четырех человек, включая заведующую Методическим кабинетом Государственного Исторического музея (г. Москва) Людмилу Петровну Мылтыгашеву (Мылтыгашева, 2007; 2008) и студента 4 курса ЕНУ им. Л.Н. Гумилева Жантегина Каржаубайулы (он же – водитель экспедиции). Работы носили маршрутный характер и охватывали пять южносибирских субъектов Российской Федерации: части Алтайского и Красноярского краев, Республики Алтай, Тыва и Хакасия.

Казахские ученые планировали издание атласа рунических надписей Южной Сибири в продолжение начатой ими серии эпиграфических исследований. Первый ее том был посвящен памятникам тюркских каганатов VII-VIII вв., найденных на землях Монголии (Жолдасбеков, Сарткожаулы, 2005; Жолдасбеков, Сарткожаулы, 2006). В 2006 г. перед нами стояла задача ознакомить коллег с памятниками трех рунических письменностей, применявшихся в VIII-XIII вв. на Саяно-Алтайском нагорье: енисейской (классической и двумя ее палеографическими вариантами: алтайским и тувинским), орхонской и южноенисейской. Две первые системы письма давно известны и достоверно читаются, третья выделена в 1987 г., представлена лаконичными надписями и до сих пор не расшифрована.

Экспедиция вела сбор эпиграфического материала, поиск новых и изучение известных рунических надписей, расположенных в местах их создания: на скалах и стелах в долинах Саяно-Алтайского нагорья. В Республике Алтай успеху предприятия весьма способствовало привлечение к работам археолога Виктора Александровича Кочеева (г. Горно-Алтайск, Национальный музей Республики Алтай), которому приношу глубокую благодарность.

Представленные в этой статье надписи на ручье Карбан указаны нам В.А. Кочеевым 24 июня 2006 г. Памятник был открыт задолго до этого, в 1988 г., В.Н. Елиным и В.И. Соёновым (1990, с. 167-168, рис. 16, 2; упоминание об этом см. в материалах Маргулановских чтений: Елин, 1989, с. 225). Исследователи опубликовали прорисовку граффити, отметив две строки надписей. Материалы были ими переданы для изучения С.Г. Кляшторному. В том же 1988 г. скала была обследована Е.П. Маточкиным (1990, с. 153), также обнаружившим обе рунические надписи. Описание и прорисовка были опубликованы этим исследователем совместно с С.Г. Кляшторным, предпринявшим и попытку прочтения (Кляшторный, Маточкин, 1991).

Вскоре длинная строка (Карбан I) получила палеографическое определение в качестве первой надписи южноенисейского алфавита, обнаруженной на Алтае, и была наделена соответствующим индексом Ю 18 (Кызласов, 1994, с. 316-318). Не имея тогда возможности изучения подлинников, я указал на историю открытия памятника и его библиографию, а также издал обе прорисовки, опубликованные первооткрывателями, убрав с них не относящиеся к делу детали (историю обнаружения письменного памятника см. также: Кубарев, 1990, с. 11; Кочеев, 2006, с. 7, №1 – учтена только длинная строка). В июне 2006 г. мне довелось обследовать подлинник, в том числе убедиться в существовании на скале второй рунической надписи (Карбан II), в чем не позволяли увериться издания предшественников.

Российско-германская группа тюркологов, организованная для составления электронного свода рунических надписей Алтая, также исследовала граффити Карбана на месте. Когда это было сделано, точно не сообщается. Вероятно, памятник изучался при основных работах группы в 2006-2008 гг., поскольку разработанный ею сайт www.altay.uni-frankfurt.de был представлен в Горно-Алтайске в 2009 г. Как и в других случаях, надписи Карбана, получившие региональный каталожный индекс А 50, представлены на сайте в кратком описании, графической прорисовке и хорошем фотоснимке (http://www.altay.uni-frankfurt.de/A50/KARBAN_F.JPG). Материалы сопровождаются транслитерацией обеих строк и транскрипцией, предложенной лишь для четырех последних знаков южноенисейской надписи, для которых выбрано прочтение <...>ok(i)у-а «<...> зовя / читая».

Со времени нашей поездки 2006 г., кроме указанного сайта, были изданы два крупных атласа рунических надписей Горного Алтая. Говоря здесь лишь об отдельно взятом местонахождении на рч. Карбан, отмечу, что оба они не учли мое издание 1994 г. и, имея по преимуществу регистрационный характер, не устранили необходимости введения в науку результатов наших полевых наблюдений. Составители обоих сводов, как во всех иных случаях, не придают значения, не фиксируют и не описывают природные условия размещения этой наскальной надписи, тем самым, сводя лишь к палеографической и филологической сторонам возможности ее понимания. Однако вместе с естественной средой, поныне окружающей письменный памятник, при таком подходе к исследованию исключается социально-культурный взгляд на причину нанесения граффити, на деле во всех случаях определяющую содержательную сторону такой надписи.

В 2012 г. две соседствующие на скале строки были опубликованы в построенном по германскому сайту печатном каталоге Л.Н. Тыбыковой, И.А. Невской и М. Эрдала (Тыбыкова и др., 2012, с. 144-145, илл. 174, 175) в хорошей фотографии, с которой можно работать. Точнее предшественников выполнена здесь и графическая прорисовка. В книге приведены прежние комментарии С.Г. Кляшторного, хотя авторы признают невозможность прочтения надписи из-за наличия в ней не-орхоно-енисейских знаков. Палеографического определения граффито Карбан I не дано, хотя моя книга 1994 г. указана в списке использованной литературы, а знакомый исследователям по этому и другим моим изданиям термин «южноенисейский», применяется в каталоге в отношении рунических знаков (Тыбыкова и др., 2012, с. 25). Две разнородных по алфавиту надписи Карбана восприняты авторами как единый текст и, вопреки изучению на месте и верному воспроизведению вертикальных строк на прориси и фото подлинника в атла-

се, отчего-то именуется, как и на сайте, нижней и верхней. По-прежнему приведено и прочтение конечных знаков строки недешифрованного южноенисейского письма.

Д.Д. Васильев (2013, с. 205-207) поступает так, как должно ученому, самому не видевшему надписей, – переиздает известные ему прорисовки очевидцев. Приводя прочтения С.Г. Кляшторного и (фрагментарное) авторов каталога 2012 г., исследователь также отмечает наличие знаков с неизвестным значением. К сожалению, в этом корпусе нет указания на вертикальность строк надписей, а воспроизводящие их прорисы, вопреки реальности, даны в горизонтальном положении, что вводит в заблуждение читателя. В сопровождаемом описании допущены ошибки в указании года открытия памятника и авторстве одной из его прорисовок.

Интересующий нас письменный памятник расположен на левом берегу Катунь, против правобережной д. Куяс Чемальского района Республики Алтай (рис. 1, 2). Утес с граффити находится метрах в 60 от левого берега ручья Карбан, на юго-восточной щеке крайней сопки южного отрога высокой горы, примерно в 150 м от берега Катунь (рис. 3). Высота скалы с надписями 17-18 м (рис. 4). Выход серого сланца, несущий надписи, уходит внутрь горы низкой треугольной расщелиной (рис. 5). Камень с рунами образует правую северо-восточную внешнюю сторону у входа в нишу (рис. 6). Поверхность с двумя вырезанными строками смотрит на ЮЗ и имеет высоту 160 см при длине в 230 см. Порода сильно осыпается. Надписи расположены низко (рис. 7), обе они были нанесены коленноприклоненными людьми. Поверхность камня несет большое число резных рисунков, выполненных тонкими бороздами. Часть из них явно позднее рунических начертаний. Таковы антропоморфные фигуры и трижды вырезанный вертикальный зигзаг из 4-х колен (снятый мною с прорисовки) (рис. 8).

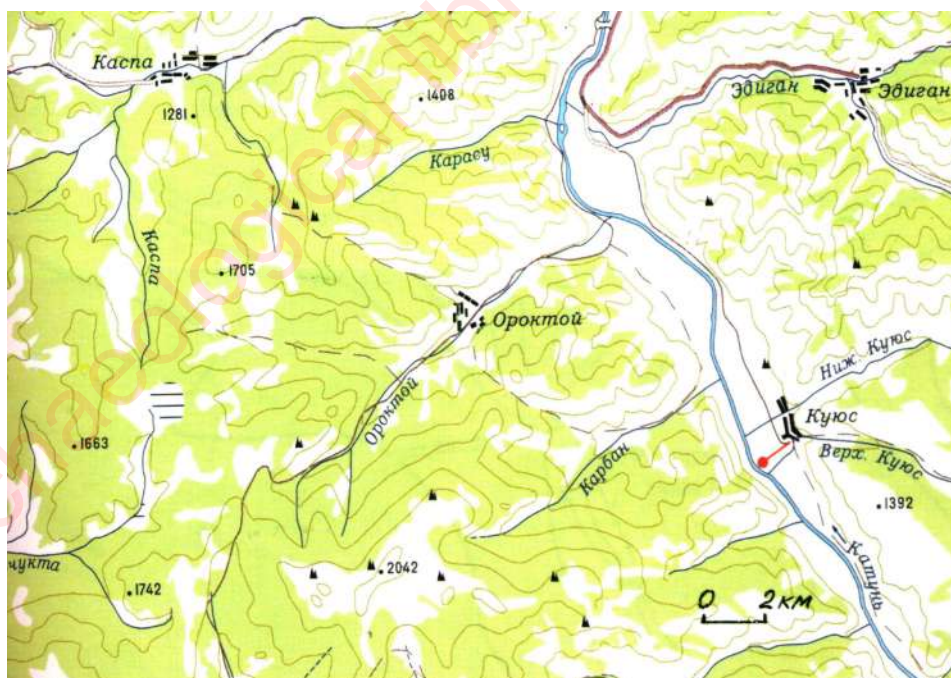

Рис. 1. Местонахождение ручья Карбан на карте

Рис. 2. Катунь близ д. Куюс. За правой скалой – устье рч. Карбан. Вид с севера.
Здесь и далее фото автора, 2006 г.

Рис. 3. Устье рч. Карбан. Скала с надписями. Вид с берега Катунь

Рис. 4. Скала с надписями на камне у треугольной расщелины (в центре). Вид с юго-востока от ручья Карбан (течет в кустарнике на первом плане)

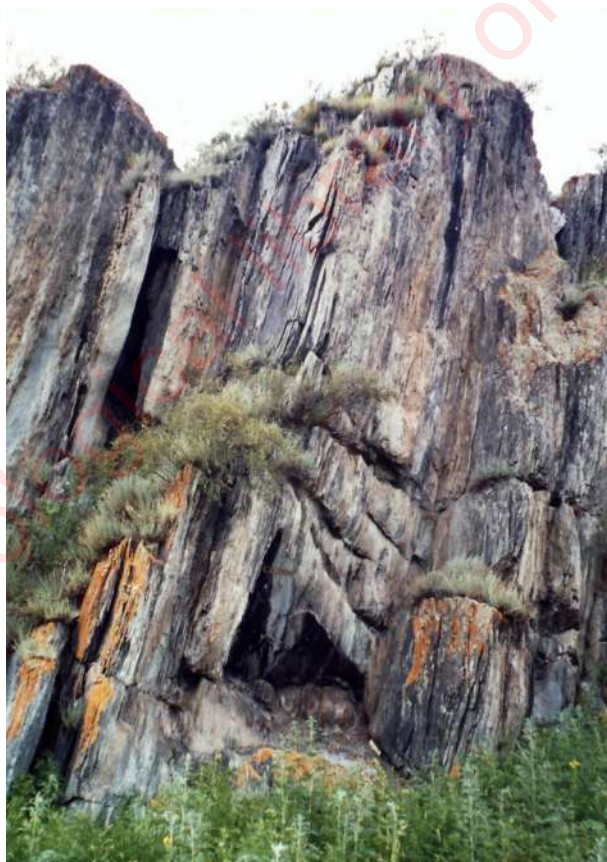

Рис. 5. Общий вид ниши и камня с надписями (справа)

Рис. 6. Камень с надписью. У основания линейка в 25 см. Вид с юга

Рис. 7. Археолог В.А. Кочеев рассматривает надписи Карбана

Обе надписи в устье ручья Карбан представляют собою самостоятельные эпитафические памятники. Они выполнены двумя разными алфавитными системами (южноенисейской и енисейской), разным инструментом и вырезаны в разной письменной манере. Материалы 2006 г. позволяют ныне представить условия размещения надписей, их точные прорисовки и прочтение строки енисейского письма.

Левее надписи Карбан II можно было бы подозревать существование еще одной надписи из трех резных знаков (последний из которых имеет вид округлой арки) (рис. 8, 9). Однако от этого предположения следует отказаться, поскольку два нижних реза – простые прямые линии, а в этом месте все перекрыто более поздними чертами, и первая из этих борозд расположена далеко от двух остальных.

Рис. 8. Общий вид плоскости с надписями и изображениями. Точкой отмечены осыпавшиеся участки, лёгким пунктиром – поздние борозды и рисунки. Прорисовка автора

Рис. 9. Рунические надписи Карбан I и II. Прорисовка автора

Рис. 10. Надпись Карбан I. Знаки 1-5. Для удобства восприятия здесь и далее строка размещена горизонтально

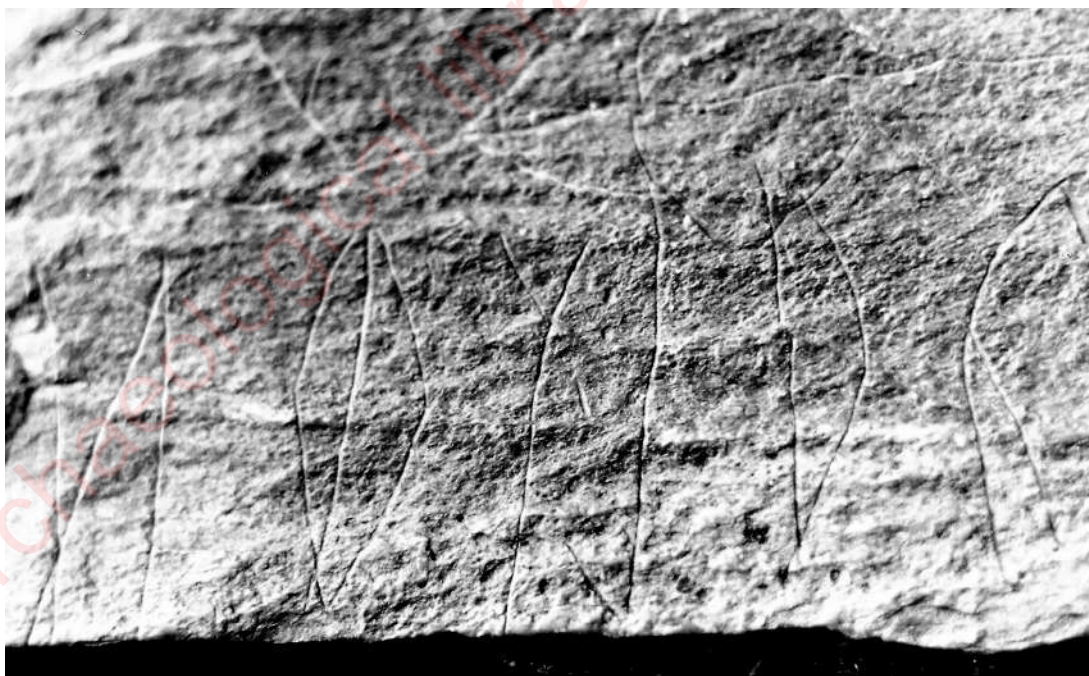

Рис. 11. Надпись Карбан I. Знаки 3-8

Рис. 12. Надпись Карбан I. Знаки 6-10

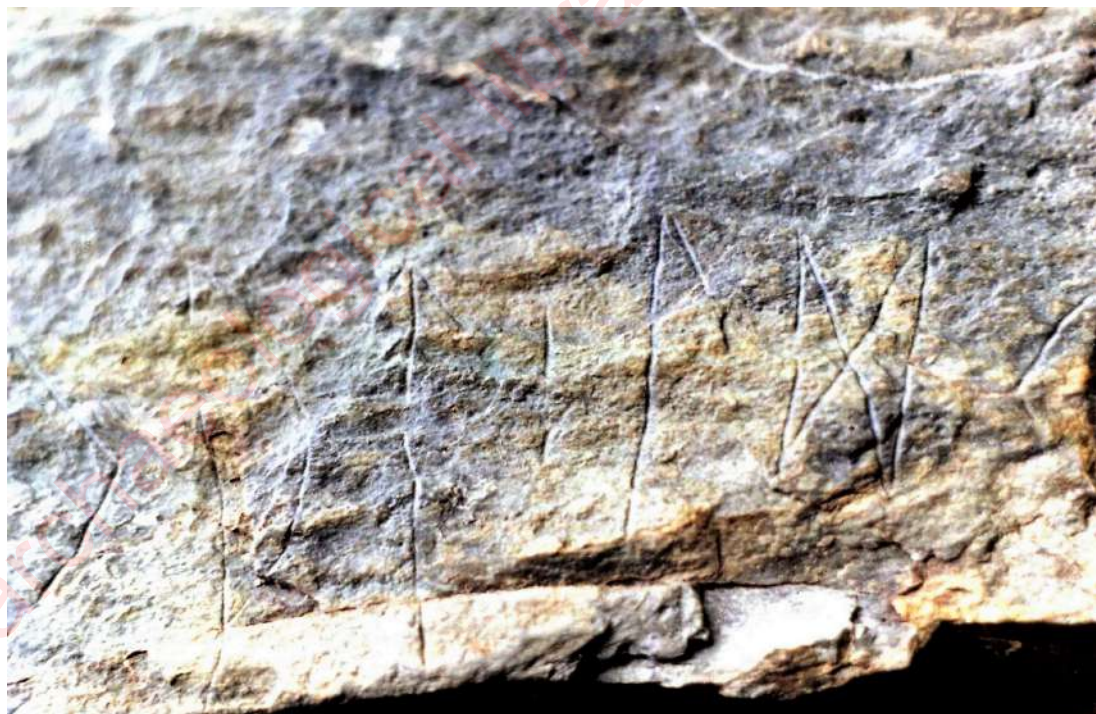

Рис. 13. Надпись Карбан I. Знаки 9-15

Рис. 14. Надпись Карбан I. Знаки 7-18

Надпись Карбан I (Ю 18, рис. 9-14)

Строка Карбан I вертикальна, нанесена снизу вверх. Первый знак расположен в 31,7 см от основания камня. Надпись состоит из 18 знаков, два из которых – словоразделители. Общая длина строки 21 см, высота букв – от 2,9-3,2 до 1,8-1,4 см, в основном – 2,6-2,5 см. При нанесении надписи инструмент резчика шел с наклоном направо, иногда сильным. В этих случаях (знаки 1 и 3) видно, что лезвие было плоским (рис. 10). По разной длине штрихов-словоразделов ясно, что инструмент не был специально предназначен для письма (рис. 13, 14). Возможно, это был нож с тонким лезвием. Борозды, образующие буквы, наносились справа налево, что особенно ясно видно в облике 4-го знака строки (рис. 12). Резчик намеренно использовал имеющийся вертикальный выкол поверхности, располагая строку вдоль его края (рис. 9, 10-14).

С.Г. Кляшторный с оговорками о сходстве двух букв с руноподобными письменами Восточной Европы прочел длинную строку как орхоно-енисейскую надпись: oküz... jaladīn qaj... (?) qij... «Быка... ты прижѣг (тавром)! (Его) кровь... проливай (? ты пролил?)». Сложности такого истолкования текста тюрколог напрасно объяснял плохой сохранностью и даже небрежностью исполнения надписи (Кляшторный, Маточкин, 1991, с. 66). На деле рунические знаки сохранились хорошо и различаются ясно. Опубликованные обнаружившими надписью исследователями прорисовки отличались в передаче письменных знаков (и были переизданы при палеографическом определении надписи: Кызласов, 1994, с. 316-318; ср. аналогичный подход: Васильев, 2013, с. 205-207). Произошло это прежде всего потому, что форма самих букв была тогда незнакома ученым – надпись Карбан I оказалась выполнена южноенисейской письменностью. При выделении этой письменной системы в сводной палеографической работе надпись получила соответствующий индекс – Ю 18. Прочитать этот краткий текст при современном уровне знаний невозможно.

Надпись Карбан II (рис. 8, 9)

Вертикальная строка второй надписи начинается в 35,4 см от основания скальной поверхности, на уровне пятого знака первой строки, и размещена левее ее на 2,5 см.

Она вырезана на ином слое каменной поверхности в 55 см от левого края плоскости. Надпись короткая, длиной всего 5,2 см. Ее образуют четыре буквы енисейского письма, высотой от 4,4 до 3,2 см. Строка представляет самостоятельный письменный памятник, ее знаки нанесены другой рукой, чем надпись Карбан I. Иным был и порядок образования букв, каждая из них выстраивалась слева направо. Вместе с тем, строка в целом писалась справа налево, о чем свидетельствует перекрывание правым нижним отводком четвертой руны основания дуги предшествующего третьего знака.

По опубликованным воспроизведениям 1988 г. понять надпись было невозможно: предшественникам, как затем и российско-германской группе, не удалось в полной мере выделить рунические знаки из окружающих и перекрывающих их начертаний. Наиболее точно надпись приведена в прорисовке Е.П. Маточкина (Кляшторный, Маточкин, 1991), недавно воспроизведенной и Д.Д. Васильевым (2013, с. 206). Копия коллективного каталога очищает буквы от посторонних резов, но передает лишь часть третьего письменного знака, что вызвало у авторов неуверенность восприятия граффито (Тыбыкова и др., 2012, с. 146, илл. 175). Не относящиеся к надписи черты в прорисовке Е.П. Маточкина не позволили С.Г. Кляшторному правильно понять две последние руны строки. Приняв их за буквы «а» и «г¹», тюрколог домыслил еще и ошибку резчика, якобы не дописавшего слова. В итоге было предложено прочтение: $\ddot{u}l\dot{a}n\ ar(\dot{i}n)$ «Раздели-те! Отдели-те!». Такая сентенция не позволяет понять смысл самого факта ее нанесения на скалу. Одно то, что предложенное восприятие надписи содержит лишь глаголы в повелительном наклонении, позволяет усомниться в правильности прочтения.

Возможности надуманного прочтения по-тюркски всяких свободно взятых резов существуют реально. Ибо редкие системы письма в такой степени, как руническое (опускавшее обозначения гласных звуков во многих позициях), и редкие языки в та-кой степени, как тюркские (знающих множество слов, состоящих из одного слога), благоприятствуют произвольному подходу. Императив в тюркских языках обычно не имеет показателя и часто также представляет собой односложную глагольную основу, на руническом письме передаваемую единственной руной для согласного. Возникает соблазн и опасность слишком часто видеть повелительную форму глагола – в любом знаке непонятой исследователем надписи.

Изучение оригинала убеждает, что все четыре знака надписи Карбан II вырезаны ясно. Читаются они снизу вверх и составляют одно слово, содержащее только буквы для мягкорядных звуков: Транслитерация надписи имеет вид $\ddot{o}/\ddot{u}l^2kn^2$, поскольку начинающая ее руна передавала один из двух палатальных губных звуков – \ddot{o} или \ddot{u} . В обоих случаях ясно морфологическое строение слова – перед нами отглагольное образование на $-k\ddot{a}n$, которое в зависимости от восприятия предстает существительным

¹Допускаю, что исследователи не долистали книгу до конца, поскольку материалы Карбана занимают ее последние страницы, но в разделе о южноенисейском письме в ней есть нужная ссылка (Кызласов, 1994, с. 43, 76, 316-318). Характеризуя орфографию надписей Алтая (Тыбыкова и др., 2012, с. 25), авторы умалчивают о том, что заимствуют из моих работ (в том числе изданных в Горно-Алтайске при участии Л.Н. Тыбыковой – см.: Кызласов, 2002) впервые произведенное в науке разделение рунических памятников на разные орфографические типы, позволившие читать характерные надписи; однако в каталоге без отсылки применены наименования типов правописания данные мною (см.: Кызласов 1996; 1997; 1999а; 2002, с. 2, 29, 36-40, 43, 44-48). Беззастенчиво поступают авторы и с трудами других исследователей, излагая от своего имени, например, историографические наблюдения и оценки В.А. Кочеева (2006). Таких случаев в книге немало.

результата, орудия действия (здесь это маловероятно) или, что скорее, общевременным причастием.

Двойное звуковое значение первой руны создает и две возможности прочтения глагольной основы: *ölä-* «учить, наставлять» или *ülä-* с первоначальным значением «делить, распределять» и переносным – «наделять долей»). Дополняя необходимые гласные, получаем два соответствующих прочтения, каждое из которых непросто перевести на русский с сохранением заданной грамматической формы: *öl(ä)k(ä)n* («наставник» или «наставляющий») либо *ül(ä)k(ä)n* («тот, кто делит, распределяет, наделяет долей», т.е. «наделитель» или «наделяющий (долей)»). Первое слово до сих пор встречалось только в уйгурских по языку и письму турфанских религиозных памятниках: христианском «Поклонении волхвов», неясной датировки, и буддийской сутре «Золотой блеск» X в., второе – в тексте грамматического словаря тюркских наречий Махмуда Кашгарского XI в. (Древнетюркский словарь, 1969, с. 383, 624). Встреча с ранее неизвестным в рунике словом – не первый случай, и он не может препятствовать прочтению.

Избираемый мною перевод строки Карбан II будет пространнее написанного: «(О) Тот, Кто Наделяет (жизненной долей) (услышь меня!)». На выбор влияют два обстоятельства. Во-первых, в отличие от малопродуктивной основы *ölä-* корень *ülä-* стал источником многих слов как в раннесредневековых, так и в живых тюркских языках: от него образованы старые *ülgü/ ülüg* «часть, доля», *ülgü* «величина, мера, размер», *ülüş* «часть, доля, мера» и т.п. (Древнетюркский словарь, 1969, с. 624, 625), также как и современные формы от *үле-* в значении «наделять», «удел, надел» и другое (Севортян, 1974, с. 627-629). Во-вторых, получаемое понятие отвечает внутреннему содержанию многих наскальных надписей.

Понять смысл надписи можно, только исходя из историко-культурного контекста, который создается как целое всем известным массивом наскальных начертаний Саяно-Алтая. Давно установлено преимущественно молитвенное их назначение. Какое бы из двух указанных слов мы ни избрали – перед нами в равной мере предстает определение основного божества манихейской религии. Само отсутствие его имени есть характерная особенность именно этой веры, уже засвидетельствованная енисейскими надписями Алтая (Кызласов, 1999б, с. 108-115; 2001а, с. 248, 252). В одной из орхонских надписей края (на роговой пластине из Купчегеня) встречается и подобная карбанской граффито манера прозвания бога словом-определением, выраженным причастием: *ууап* «всемогущий» (Кызласов, 2000, с. 97-101). Оба понятия, возможные для надписи Карбан II, вполне соответствуют манихейской божественной характеристике: в ней высшая сила предстает и обладателем и подателем Истины (т.е. учителем, наставником) (см., например, содержание надписи Устюгю-Сары-Кобы: Кочеев, Кызласов, 2007), также как и наделяющие жизненной долей. Вероятно, последнее свойство божества отражают наскальные надписи, молящие о жизненной силе Кызласов, 1994, с. 148, 149, 188, рис. 13, 2).

Камнеписные надписи в сибирско-тюркском манихействе создавались после произведенных у скал молений. Наскальные граффити енисейского письма отмечают не только акт нанесение текста (*b(i)t(i)d(i)m* «(это) я написал» – Ал-тай, Бичикту-Бом VI), но и предшествующее ему произнесение молитвенного слова: *b(e)n b(i)t(i)d(i)m b(e)š (i)lä k(i)rgü* «<...> я напи-

сал (это) пятью (пальцами), предназначенными (для письма)» (Алтай, Ялбак-Таш II);
n «Недостойный раб (Божий) напи-сал (это) и
(стал) здоров» (Тува, Хая-Бажи X, Е 24/10); t(ä) hri qulī bit(i)d(i)m «Я,
раб божий, написал (это)» (Монголия, Гурвалжин-ула). Именно так, полагаю, следует
понимать строки типа sül(ä) n j(e)g(ä)n b(e)n t(e)d(i)m «Я, Сюлен
Йеген, сказал (благое слово) (о чем и написал)» (Алтай, Ялбак-Таш X) и
b(e)n t(e)d(i)m «Я произнёс (молитву) (о чем и написал)» (Алтай, Текпенек).

Будучи лаконичными письменными отметками произведенных у скал молений, на-
скальные надписи, согласно манихейской доктрине, не позволявшей знать имя бога,
ни-когда его не содержат, обращаясь к божеству иносказательно: t(ä)
hrik(ä)n ijä «Божественный Владыка» (Хакасия, Тепсей, пещера),
t(ä)hri q(a)n(i)m <...> «Мой Небесный (~ Божественный) Повелитель <...
>» (Монголия, Дэл-ула I), <...>1) q(a)ra k(e)rkū t(ä)hr(i)k(ä)n <...>
«(1) Бо-жественный (Владыка), который должен преградить (дорогу) Тьме <...
>» (Монголия, Хутук-ула I). Судя по надписям, в Южной Сибири той поры
существовали и благие пастыри, коим поклонялись верующие – однажды на скале
начертано: (a) rz(i)m «Мой Святой (~ отшельник!)» (Алтай, Ялбак-Таш VIII).

Смысл таких надписей раскрывают несколько более пространственные начертания, со-
державшие прямые призывы: t(ä)hr(i)m čök bizkä «Мой Боже, снизойди
до нас!» (Хакасия, Туба II, Е 36/2); ... t(ä) hr(i)m čök j(e)rk[ä]...
«<...> Мой Бог, снизойди на земл[ю]!» (Хакасия, Тепсей VI, Е 116); ...>
<...>t(ä)hr(i)m čök «Мой Бог, снизойди (до меня)!» (Хака-сия, Тепсей);
t(e)g(g)ä)n (a)t(a)m (e)n(i)h «Обретённый мой Отец, снизойдите (до
меня)!» (Алтай, Ялбак-Таш V); b(a)gm (i) č ur(u)h «Вложите совершенную
душу (букв. нутро)!» (Хакасия, Крес-хая, Е 137); 1) (1) (2)
(e)n (e)r(i)g ör (2) b(i)t(i)d(i)m «(1) (Мой Бог,) предстань перед грешным мужем! (2)
(Это) я написал» (Алтай, Бичикту-Бом II/1) и здесь же иной рукою – kiši
ogl(i)h(i)g «(И) твоему сыну человеческо-му (явись)!» (Бичикту-Бом II/2) (Кызласов,
2001a).

Помимо сказанного, краткая надпись Карбан II представляет и палеографический
интерес. Судя по характерному дугообразному облику ее 3-го знака для мягкорядного
Ėk (рис. 9), она принадлежит к алтайскому варианту енисейского письма (Кызласов,
1991, рис. 2, № 7; 1994, табл. XXIV, № 7), т.е. нанесена местным писцом.

Историко-культурные выводы (социоскрипторика)

Итак, на одной скальной плоскости на речке Карбан соседствуют две надписи, вы-
полненные разными руническими алфавитами – надежно читаемым енисейским и все
еще недешифрованным южноенисейским. При этом енисейская надпись принадлежит
к сакральным отметкам сибирско-тюркского манихейства, широко
распространившимся в Южной Сибири, Центральной и горностепной части Средней
Азии.

Это не первый случай такого разноалфавитного присутствия в одном молитвенном
месте. На Горном Алтае расположение загадочного южноенисейского граффито среди
целого ряда манихейских религиозных надписей отмечено на скале Бичикту-Бом на
реке Кара-Коле. На каменистой оконечности той горы мне известно восемь надписей,

трехалфавитными начертаниями демонстрирующих равно вершившееся здесь поклонение приверженцев разных письменных традиций: енисейской (шесть надписей ее ал-тайского варианта: ББ I, II /1-2, III, IV, VI), орхонской (ББ V – не тюркского, а позднейшего уйгурского варианта этого письма) и южноенисейской (ББ VII) (Кызласов, 2004, с. 112-118). Нет сомнения, что здесь стоял монастырь, к которому в течение длительного времени сходились паломники нескольких манихейских течений – неслучайно надпись Бичикту-бом III призывает к миссионерским странствиям (Кызласов, 2001б). Граффито Бичикту-Бом I впервые в сибирской истории называет даже имя здешнего манихейско-го пристанища – на скале начертано

е)η(i)г q(a)j(a) (e)bi – «Обитель Выступающей Скалы» (Кызласов, 2004, с. 112-115, рис. 1-3). Монастырь на Кара-Коле, согласно палеографическим признакам наскальных надписей, возник не ранее последней трети VIII в. и действовал по крайней мере по X в.

Перечисление случаев схождения на одной скальной плоскости надписей двух разных алфавитов продолжает утес на р. Хар-Салаа на Монгольском Алтае, где отмечены четыре южноенисейских и, вероятно, одна неясная по изданной прорисовке енисейская строка (Кубарев, 2009. с. 163, рис. 444), а также Туранская на Среднем Енисее (Микла-шевич, 2018, с. 29, рис. 2, 1, 3, 2) и Сулекская писаница в Хакасии. На нее в связи с уже бывшими с VIII в. петроглифами в IX-X вв. были нанесены две енисейских (Сулек I и II, Е 39 / 1-2) и четыре южноенисейских строки (Ю1-Ю4) (Кызласов, 1994, с. 186, 289-299, рис. 18, 39-43). Обе енисейские надписи в литературной и местной диалектной форме утверждают одно: b(e)ηkjü q(a)ja и m(e)ηkjü q(a)ja «Вечная скала», т.е. по представлениям того времени, почитаемая гора возникла с началом мира.

Приведенные материалы позволяют постичь ряд весьма существенных культурно-исторических, социоскрипторных особенностей все еще недешифрованного южноенисейского письма. Археологические памятники, с которыми связаны надписи этого ал-фавита (вторично использованные ими камни курганов культуры чаатас VIII – начала IX вв. и тюркских поминальных оградок VI-VIII вв., дополненные ими писаницы VIII в., размещение их на погребальном инвентаре тюрков IX-X вв.) (Кызласов, 2018, с. 29), датируют его появление и бытование второй половиной IX – X вв., может быть, не ранее X в. Расположение 23 известных ныне пунктов с почти 30 южноенисейскими строками на землях Хакаско-Минусинской и Тувинской котловин, на Горном Алтае, в Северо-Западной и Центральной Монголии подтверждает распространение этого письма в пределах Древнехакасского государства в пору его политического, экономического и культурного расцвета. Однако южноенисейский алфавит был на Саяно-Алтае пришлым, поскольку по палеографическому определению он принадлежит к западной евроазиатской группе рун (Кызласов, 1987; 1988; 1990; 1994). Социальный статус его в сибирской державе был невысок – в противовес енисейскому письму для составления официальных надписей этот алфавит не использовали. Область его применения была иная.

Согласно показанному культовому соседству южноенисейских и енисейских строк, недешифрованное письмо принадлежало к той же религиозной среде, что и енисейские надписи на скалах, т.е. к сибирско-тюркскому манихейству. Более того, иноземцы, носители неизвестного алфавита, восприняли местный для Южной Сибири культ гор. Мало распространенный в своих формах на сопредельных землях, он сохранился с

приходом книжного вероучения Света, заменив древнюю традицию наскальных изображений нанесением на горные плоскости ритуальных надписей (Кызласов, 2008, с. 452-458; 2013б; Kyzlasov, 2016). В этой обрядовой форме его и соблюдали пришельцы, приверженные южноенисейскому руническому письму. Возникший на Енисее, такой религиозный обряд оказался настолько присущ сибирско-тюркскому манихейству, что вместе с последующим продвижением вероучения и его енисейского рунического письма на запад распространился по землям Казахстана и Кыргызстана (Кызласов, 2005а; 2005б; 2012). На Саяно-Алтае знатоки южноенисейского алфавита, как и носители енисейского письма, почитали не только горные, но и местные курганные и поминальные святыни предшествующего времени (Кызласов, 2018).

При учете всего сказанного допустимо предполагать тюркоязычность нечитаемых ныне южноенисейских надписей.

Надо надеяться, что будущие находки письменных памятников позволят узнать, где сложилась, стала основным видом местных манихейских писаний и откуда затем пришла в Южную Сибирь эта разновидность руноподобных алфавитов степной зоны.

Список литературы

Акишев К.А. Раскопки Иссыкского кургана // Археологические открытия 1970 года. – М.: Наука, 1971. – С. 408.

Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М.: Искусство, 1978. – 132 с.

Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири. Ч. 1. Древнетюркская эпиграфика Алтая. – Астана: Prosper Print, 2013. – 268 с.

Вертоградова В.В. Индийская эпиграфика из Кара-тепе. Проблемы дешифровки и интерпретации. – М.: Восточная литература, 1995. – 160 с.

Вертоградова В.В. Неизвестное письмо в многоалфавитном пространстве древней Бактрии // Петербургский Рериховский сборник. Вып. 5. – СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 2002. – С. 129-148.

Вертоградова В.В. Миграции в регионы древней Бактрии с IV в. до н.э. по IV в. н.э. и социокультурная дистрибуция алфавитов (к проблеме социоскрипторики) // От века бронзового до века цифрового: феномен миграции во времени. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2018. – С. 237-244.

Древнетюркский словарь / Редакторы: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Л.: «Наука», 1969. – XXXVIII + 676 с.

Дьяконов И.М. Комментарии // И. Фридрих. История письма. – М.: «Наука», 1979. – С. 211-229.

Елин В.Н. Некоторые результаты археологических исследований в районе строительства Катунской ГЭС на Алтае // Маргулановские чтения. – Алма-Ата, 1989. – С. 224-225.

Елин В.Н., Соёнов В.И. Новые археологические памятники в зоне планируемого строительства Катунской ГЭС // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 161-177.

Жолдасбеков М., Сартқожаұлы Қ. Орхон ескерткіштерінің толық Атласы. – Астана: Күлтегін, 2005. – 360 б.

Жолдасбеков М., Сарткожаулы. К. Атлас орхонских памятников. – Астана: Култегін, 2006. – 360 с.

Кляшторный С.Г., Маточкин Е.П. Руническая надпись Карбана // Известия Сиб. Отд. АН СССР. История, философия и филология, 1991, № 1. – С. 65-67.

Кочеев В.А. Свод древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Агентство по культ.-ист. наследию Республики Алтай, 2006. – 52 с.

Кочеев В.А., Кызласов И.Л. Философский лаконизм наскальной надписи // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 5. – Горно-Алтайск, 2007. – С. 102-105.

Кубарев В.Д. История изучения археологических памятников Средней Катунь // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 7-22.

Кубарев В.Д. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. – 420 с.

Кызласов И.Л. Две группы тюркских рунических алфавитов. Опыт выделения // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов. – М., 1987. – С. 142-143.

Кызласов И.Л. Новая руническая письменность Южной Сибири // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1988. – С. 108-140.

Кызласов И.Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии. Опыт палеографического анализа. – М., 1990. – 179 с.

Кызласов И.Л. Палеографическое исследование азиатских рунических алфавитов // СА. 1991. № 4. – С. 62-85.

Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. – М.: «Наука», 1994. 327 с.

Кызласов И.Л. Три типа древнетюркской рунической орфографии // 90 лет Н.А. Баскакову. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 124-136.

Кызласов И.Л. Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest, 1997. T. L., fasc. 1-3. – С. 163-184.

Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности // РА, 1998, №1. – С. 71-83.

Кызласов И.Л. Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. – Вып. IV. – М., 1999а. – С. 85-112.

Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // РА. 1999б. №4. – С. 99-117.

Кызласов И.Л. Памятники рунической письменности в собрании Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея // Древности Алтая, № 5. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. – С. 82-112.

Кызласов И.Л. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. – М.: Восточная литература РАН, 2001а. – С. 243-270.

Кызласов И.Л. «Добро сотворив, посеять человечность» (Манихейские миссионеры у вершин Алтая) // Средневековые древности евразийских степей / Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. – Воронеж: ВГУ, 2001б. – С. 111-129.

Кызласов И.Л. Памятники рунической письменности Горного Алтая. Учебное пособие / Отв. за выпуск Л.Н. Тыбыкова. – Горно-Алтайск: Универ-Принт, 2002. – 164 с.

Кызласов И.Л. Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока. Сборник к 80-летию профессора Л.Р. Кызласова. – М.: Русаки, 2004. – С. 111-129.

Кызласов И.Л. Таласские наскальные надписи // РА. 2005а. №2. – С. 46-55.

Кызласов И.Л. Прочтение наскальных рунических надписей Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 1. – Бишкек, 2005б. – С. 54-67.

Кызласов И.Л. К уяснению исходных позиций изучения и сбережения писаниц // Человек, адаптация, культура. – М.: Институт археологии РАН, 2008. – С. 451-463.

Кызласов И.Л. Раннесредневековая эпиграфика Казахстана и Кыргызстана: проблема датировки, происхождения и принадлежности таласского рунического письма (В кратком изложении) // Историко-культурное наследие и современная культура. Сб. материалов междунар. научно-практического семинара. – Алматы: Service Press, 2012. – С. 40-44.

Кызласов И.Л. Характер и значение находок рунических надписей на Сырдарье // Известия Национальной АН Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук, 2013а, № 3. – С. 164-173.

Кызласов И.Л. Руническое письмо на скалах: сибирские корни обряда и его распространение в Средней Азии // Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого Шелкового пути. – Самарканд, 2013б. – С. 116-121.

Кызласов И.Л. Надписи на стеле Копёнского чаатгаса (Хакасия) // Урало-алтайские исследования. 2018. №1. – С. 23-32.

Кызласов И.Л., Сартхожаулы Х. Российско-Казахстанская эпиграфическая экспедиция // Археологические открытия 2006 года. – М.: «Наука», 2009. – С. 602-603.

Лившиц В.А. Надписи из Дильберджина // Древняя Бактрия. – М.: Наука, 1976. – С. 163-169.

Лившиц В.А. О происхождении древнетюркской рунической письменности // Советская тюркология, 1978, № 4. – С. 84-98.

Маточкин Е.П. Граффити Карбана // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 150-160.

Миклашевич Е.А. Наскальные изображения горы Туран на Среднем Енисее // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул, 2018. – №1. – С. 24-39.

Мылтыгашева Л.П. Музеи Саяно-Алтая: наблюдения 2006 года // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 5. – Горно-Алтайск: Агентство по культ.-ист. наследию Республики Алтай, 2007. – С. 174-189.

Мылтыгашева Л.П. Поход за рунами // Мир музея. 2008. №7. – С. 26-30.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М.: «Наука», 1974. – 768 с.

Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 2012. – 152 с.

Kyzlasov I. Inscriptions rupestres runiques. De la Sibérie à l'Asie centrale et au Kazakhstan // Asie centrale. Transferts culturels le long de la route de la soie. – Paris: Vendémiaire, 2016. – P. 301-307.